

А.Л. Гришунин

На путях к «Теркину»

Война стала великим испытанием не только народа, но вместе с ним и писательских талантов. В это трудное время советские люди на фронте и в тылу особенно потянулись к поэзии, и она, чутко отвечая на эту потребность, с самого начала войны ознаменовалась беспримерным идейно-художественным взлетом. «Песня смелых», появившаяся в печати едва ли не в первый же день войны, «Землянка» А. Суркова; «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» и незабываемое «Жди меня» К. Симонова; стихи и поэмы Н. Тихонова, В. Гусева, О. Берггольц, песни М. Исаковского воодушевляли людей на воинские и трудовые подвиги для победы над заклятым врагом — германским фашизмом.

В этом хоре поэзии Твардовскому принадлежит одно из первых мест, и «Василий Теркин» — величайший литературный памятник беспримерному на протяжении всей истории нашей страны подвигу народа.

Еще во время финской кампании пришло к поэту «ощущение великой трудности войны» и ее трагизма. Выходец из смоленских крестьян хорошо понимал мысли и чаяния, душу простого солдата. Он и сам в сентябре 1939 был мобилизован как рядовой Красной Армии и участвовал в этом качестве в освободительном походе в Западную Белоруссию. В начале войны в Финляндии он получил назначение в газету Ленинградского военного округа «На страже Родины» на должность «писателя» в звании батальонного комиссара. Находясь в положении «писателя с двумя шпалами», которое «не выслужено (не то слово)», Твардовский то и дело ставил себя на место рядового красноармейца и испытывал «чувство прямо-таки нежности ко всем этим людям», из которых многим «не возвратиться домой». На одном из митингов перед решительным наступлением на сильно укрепленную полосу дотов «линии Маннергейма» поэт сказал «несколько неказенных и, может быть, неуставных слов о том, что родина знает, какие подвиги совершают бойцы и какие видят они трудности». Во время этого выступления «несколько сидевших в полутьме землянки бородатых (щетина) людей плакали — нервы у всех были в перенапряжении. Люди только вчера вернулись „оттуда” и знали, что нужно идти обратно туда, знали, что вряд ли кому вернуться», и армейский политработник заметил Твардовскому, что нельзя в эти минуты «говорить ничего такого, что трогает».

Здесь, на Карельском перешейке, изрезанном озерами и протоками, лесными каменистыми тропами, в условиях суровой зимы и трудной войны, в среде простых людей, ежечасно выполнявших нечеловечески трудную и смертельно опасную «работу», произошло открытие поэтом как бы нового мира — открытие, без которого невозможно бы было создание поэмы «Василий Теркин».

3 марта 1940, когда еще не кончилась финская война, Твардовский писал М. Исаковскому:

«Люди, с которыми за эти месяцы довелось встретиться, и все, что привелось увидеть, сделали из меня почти совсем другого человека. Короче говоря, мне открылся новый, необычайно суровый и вместе с тем очень человеческий, дружный и радостный мир. Я рад, что он стал доступен и понятен мне. Красную Армию я полюбил так, как до сих пор любил только деревню, колхозы. И, между прочим, очень много схожего. Мне кажется, что армия будет второй моей темой на всю жизнь».

Так была найдена эта «тема».

У Твардовского возникло непреодолимое желание «высказаться как следует» по поводу этой войны, создать о ней большое эпическое произведение:

«Я как бы обижен за фронт и людей. Как это все могут жить, как жили, интересоваться, чем интересовались, когда они должны же знать, какая это была война, сколько тысяч людей... заглянули в ее жуткие глаза, пережили ни с чем не сравнимое и никогда об этом не расскажут! < ... > Жизнь больше войны < ... > Но я только тогда смогу вновь в полную меру сердца волноваться всем тем, чем волновался прежде... когда выпишусь, выскажусь как следует на тему финляндского похода».

Это писалось 3 апреля 1940, спустя полмесяца после окончания финской войны.